

RU

Языковая манипуляция в трудах отечественных и зарубежных ученых: теоретические вопросы терминологии

Ашрапова А. Х., Йылмаз Э. Р., Мавляутдинов И. С., Манькова Л. И.

Аннотация. Различные речевые конструкции, используемые в политическом дискурсе, многократно становились объектом исследований в рамках таких наук, как лингвистика, психология, политология и т.д. Но современные лингвисты отмечают, что на данном этапе все еще актуальна проблема отсутствия единой универсальной классификации речевых манипулятивных единиц и нет четко определенной терминологии речевых стратегий, тактик, приемов, используемых для манипуляции в различных коммуникативных ситуациях. В свете этого авторами нижеследующего исследования была поставлена цель: выявить научные подходы к определению понятия «речевая манипуляция». Научная новизна исследования заключается в том, что авторами проведена работа по сбору определений явления «языковая манипуляция» в различных областях науки, проведено разграничение определений «языковая манипуляция», «убеждение», «суггестия», «информативное воздействие», «фатическое воздействие», «языковая демагогия». В результате при изучении проблемы в междисциплинарном ключе и в трудах как отечественных, так и зарубежных авторов была выявлена разница в подходах к определению термина; выявлено наиболее полное определение изучаемого явления; проведено разграничение между термином «речевая манипуляция» и терминами, встречающимися в смежных значениях либо значениях, близких к манипуляции.

EN

Linguistic Manipulation in the Works of Domestic and Foreign Scientists: Theoretical Issues of Terminology

Ashrapova A. K., Yilmaz E. R., Mavlyautdinov I. S., Mankova L. I.

Abstract. Various speech constructions used in political discourse have repeatedly become the object of research in the framework of such sciences as linguistics, psychology, political science, etc. But modern linguists note that at this stage the problem of the lack of a unified universal classification of speech manipulative units is still relevant and there is no clearly defined terminology of speech strategies, tactics, techniques used for manipulation in various communicative situations. In this light, the authors of the following study set the goal: to identify scientific approaches to defining the notion of “speech manipulation”. The scientific novelty of the study lies in the fact that the authors carried out work to collect definitions of the phenomenon of “linguistic manipulation” in various fields of science, made a distinction between the definitions of “linguistic manipulation”, “persuasion”, “suggestion”, “informative influence”, “phatic influence”, “linguistic demagoguery”. As a result, when studying the problem in an interdisciplinary manner and in the works of both domestic and foreign authors, a difference is revealed in approaches to the definition of the term; the most complete definition of the phenomenon under study is revealed; a distinction is made between the term “speech manipulation” and terms that occur in related meanings or meanings close to manipulation.

Введение

Вопросы реализации различных коммуникативных стратегий воздействия неоднократно становились предметом исследований в рамках лингвистики, общественной психологии, социологии, политологии и т.д. Классические и современные труды как отечественных, так и зарубежных ученых отражают актуальные аспекты изучаемого явления. При этом в рамках информационного перенасыщения современного общества и возрастания агрессивных интенсивных форм интеракций в социальной и общественно-политической сферах возрастает интерес к изучению коммуникативных стратегий с позиции манипулятивной составляющей речевого процесса, то есть анализу речевого действия в качестве единицы манипулятивного воздействия на сознание предполагаемой аудитории. Ориентир на политический дискурс объясняется тем, что ведущие

лингвисты и политологи определяют дискурс «как определенный “рупор”» (Никулин, Шубин, 2020, с. 159) политической силы. Объект исследования определяется как изучение теоретической основы феномена речевой манипуляции. Предмет – терминология речевого манипулирования. В своей работе мы будем ориентироваться на потенциальный политический дискурс. Для выявления закономерности развития научной мысли, максимального охвата результатов исследований нижняя хронологическая граница определена как середина XX века. Более половины проанализированной литературы – труды последнего десятилетия, но ограничиваться ими не представлялось возможным: объемная часть статей и диссертационных работ несут практический характер и рассматривают манипуляцию в узком ключе.

Актуальность исследования. Устойчивый рост научного интереса к изучению политического дискурса, а также относительно быстрые темпы смены частотных моделей речевой манипуляции в вышеуказанном типе дискурса требуют основательных исследований речевой манипуляции социальных групп для дальнейшего использования полученных результатов преподавателями политических дисциплин и специалистами в области международного сотрудничества. Также анализ отечественных и зарубежных научных текстов показал необходимость: 1) систематизации выводов практических исследований с целью обогащения теоретической базы и систематизации результатов; 2) разграничения терминов, используемых параллельно с термином «речевая манипуляция» либо обозначающих явления, частично схожие с ней по качественной характеристике. Необходимость определения понятия обусловлена следующими факторами: во-первых, в научной литературе наблюдается ошибочное употребление данного термина, исходя из схожести характеристик с другими явлениями (например, с суггестией или убеждением); во-вторых, «языковая манипуляция» заменяется ложными синонимами, что становится причиной терминологической путаницы и искажает суть проводимых исследований.

Цель предопределила необходимость решения следующих задач:

1) обзор научной литературы и сбор работ в разных областях науки, направленных на изучение речевой манипуляции; изучение многообразия вариантов определения речевой манипуляции и характерных особенностей данного явления;

2) детерминация определений «речевая манипуляция», «убеждение», «суггестия», «языковая манипуляция» и «лингвистическая демагогия».

При работе над статьей мы выбрали следующие методы: описательный метод; метод анализа; метод обобщения; индуктивный метод.

Решение поставленных задач стало возможно благодаря теоретической базе, представленной трудами, посвященными изучению манипуляции в рамках психологии (Доценко, 1997), политологии (Беглов, 1980; Житникова, 2014; Aktan, 2022; Yilmaz, 2018), лингвистики (Голубева, 2009; Катенева, 2010; Стернин, 2001).

Практическая значимость исследования заключается в перспективности внедрения полученных результатов в общие и специальные курсы по прагматике речевого общения и теории политического дискурса. Также результаты несут практическую пользу для круга специалистов, занимающихся коммуникативной деятельностью в международных организациях.

Основная часть

Термин «манипуляция» в научном обороте: определение дефиниции

Человек обладает способностью совершать операции анализа и синтеза процессов, происходящих в действительности. К тому же владеет (нередко даже на интуитивном или практическом уровне) определенными знаниями по технике вербализации, благодаря которой может в скрытой или явной форме влиять на восприятие и мышление других людей. Манипуляция как социальное явление изучалась в трудах по философии, политологии и социологии (Катенева, 2010, с. 17). Интересным является то, что в последнее десятилетие манипуляция вошла в круг интересов педагогики (Левина, 2018; Погорельская, 2021) и переводоведения (Камовникова, 2016; Хорошева, Банникова, 2021).

Хотя стратегии и тактики речевого воздействия изучены рядом крупных лингвистов, таких как В. Г. Байков, О. Н. Быкова, Н. В. Глаголев, Е. В. Доценко, Н. А. Купина, А. Лазар, Е. И. Шейгал, Э. Кассирер и др., на сегодняшний день стоит проблема отсутствия универсальных классификации и терминологии речевых стратегий, тактик, приемов, используемых для манипуляции. В своей статье, посвященной социально-философскому аспекту манипуляции, В. В. Юренков (2013) пишет, что «изначально манипулирование людьми представляет собой атрибут политики» (с. 21). Но само явление манипуляции было замечено и ранее. Если подходить к вопросу с позиции содержания исследования, исключив терминологический аспект, то впервые проблемы манипуляции были затронуты в трудах античных философов. Тогда самого термина «манипуляция» еще не было, но проблема воздействия на аудиторию уже требовала изучения. Платон под манипуляцией понимал явление из окружающей действительности, позволяющее подчинять волю человека либо групп людей, внушать ему/им определенный образ мыслей и заставлять его/их совершать конкретные действия без каких-либо физических принуждений (Цит. по: Петракова, 2012). Сам термин «манипуляция» был введен в научный оборот значительно позже. В 40-50 годах XX века западные политологи внедрили в научный круг техническое понятие (используемое с 1827 года), которое обозначало «умелое действие рычагами», для сложного перемещения предметов (<https://hbr.org/2022/01/are-you-being-influenced-or-manipulated>). В отечественной политологии тема манипуляции рассматривалась в разрезе идеологической борьбы в работах таких ученых, как Д. А. Волкогонов, О. Г. Зотов и др. В исследованиях С. И. Беглова (1980), О. А. Феофанова (1987) данное явление сравнивается с политической пропагандой, рассматривается влияние СМИ на сознание рабочего класса.

На сегодняшний день научная литература ориентирована на освещение практического аспекта манипуляции; области исследования разные: бизнес, индустрия моды, маркетинг и т.д. Здесь следует упомянуть научную деятельность таких авторов, как В. И. Замышляев (2006), Е. Е. Стацевич (2007) и др. Лингвисты ориентированы на изучение воздействия речевых тактик манипулятора через призму взаимосвязи объекта манипуляции с явлением окружающего мира: такая позиция дает возможность выявить некоторые ситуативные закономерности. В современной науке есть ряд терминов, которые обозначают манипулятивные действия разного характера, при этом в некоторых современных работах манипуляция трактуется не с позиции действия, а как способ достижения цели. Например, такое имеет место быть в случае манипуляции фактами в судебном дискурсе (Илюхин, 2021, с. 1606). Встает острый вопрос определения, разграничения области использования термина «языковая манипуляция» и терминов схожих по характеристикам явлений.

Отечественные и зарубежные прагмалингвисты не раз обращались к проблеме унификации определения языкового манипулятивного действия. Здесь главным ориентиром выступают общий знаменатель определения и характерные особенности самого явления. На сегодняшний день есть следующие пункты, отражающие характер и свойства манипуляции: во-первых, интенция определяется как воздействие на человека с намерением заставить его совершить те или иные действия (Стернин, 2001, с. 172); во-вторых, наблюдается скрытое воздействие на реципиента, совершаемое в интересах воздействующей стороны, с целью достижения определенного эффекта; в-третьих, при манипулятивном воздействии наблюдается использование некоторых приемов либо стратегий, напрямую меняющих мнение и поведение реципиента; в-четвертых, разоблачение речевой манипуляции грозит не только отсутствием успеха адресанта, но и возникновением конфликтной ситуации (Фролова, 2018, с. 93); в-пятых, у реципиента должно присутствовать ложное ощущение самостоятельной интерпретации информации и самостоятельного выбора формы действия на основе результатов умозаключения (Спиртова, 2019, с. 85); в-шестых, с позиции реципиента эмоционально-психологический результат влияния всегда должен быть положительным (Сараев, 2018, с. 46).

Американский политолог, профессор философии и социальной и политической теории Р. Е. Гудин (Goodin, 1980) считает, что «анализ манипуляции как сокрытия или искажения информации оказывается слишком узким» (р. 25). В свете этого актуальна позиция У. Х. Райкера. В исследованиях политолога У. Х. Райкера (Riker, 1982) рассматриваются разные области политического процесса. Главным академическим успехом можно назвать его «позитивную политическую теорию» и результаты изучения некоторых аспектов политической манипуляции. Для нас представляет интерес точка зрения, согласно которой основной целью манипулятивных действий является желание «добиться результатов, выгодных для манипуляторов или отличных от результатов в условиях бездействия» (р. 137). Здесь на первый план выходит результат действия, являясь также определяющим фактором. Также интересным является замечание Р. Е. Гудина (Goodin, 1980, р. 17) относительно односторонней направленности манипуляции: в процессе манипулятивного акта не всегда интенция является отражением интересов манипулятора, она может быть спроецирована частично в интересах манипулируемой стороны: таким образом, основным признаком выступает не скрытое намерение, а противоречие воле манипулируемого.

В трудах турецких политологов на первый план выходит практический аспект изучения манипуляции в политическом дискурсе. В статье профессора Дж. Дж. Актан (Aktan, 2022, s. 131) «Макиавеллизм, герестетика и искусство политических манипуляций» исследованы политические манипуляции с позиции философии макиавеллизма, автор апеллирует к терминам «политические манипуляции» и «политические маневры».

Х. Йылмаз (Yılmaz, 2018) определяет манипуляцию следующим образом: «психологическое и социальное воздействие, направленное на изменение восприятия или поведения других людей с помощью неадекватных, обманчивых и даже оскорбительных стратегий» (перевод автора статьи – И. М.).

Языковые и внеязыковые формы манипуляции на примере турецкого языка рассматриваются также в работах ученых, не являющихся носителями турецкого языка. Так, С. Гаспарян (Gasparyan, 2020) исследует политический дискурс, выявляя языковые единицы, указывающие на наличие манипулятивных стратегий, реализованных в правовой области, влияющих на общественность и подавляющих любое неуютное власти мнение.

В работах ведущих лингвистов акцент делается на языковых аспектах манипуляции; манипуляция рассматривается как акт воздействия, но отличается от ряда схожих языковых явлений, например суггестии или фатического действия. Языковые черты манипуляции идентифицируются с трудом: они не выходят за рамки нормативной речевой практики, поэтому требуют комплексного анализа речевой ситуации и контекста события в целом. Речевые формы воздействия (например, манипуляция, суггестия) при наличии визуального контакта поддерживаются внеязыковыми средствами (Илюхин, 2020, с. 260); аудиальная форма включает такие подкрепляющие внешние факторы, как тембр, голос адресанта, фон, акцентирование тех или иных слов и т.д.

В трудах швейцарского лингвиста Л. де Соссюра (Saussure, 2005) даны аспекты, на которые стремится воздействовать манипулятор: «...вывод умозаключений и проверка информации на соответствие действительности, а также эмоции» (р. 117). В исследованиях Т. А. ван Дейка (Dijk, 2006) манипуляция определена как «коммуникативная и интеракционная практика, в основе которой лежит осуществление контроля манипулятора над другими людьми, как правило, против их воли и вопреки их интересам» (р. 360). Также в трудах современных западных ученых наблюдается тенденция к изучению содержания речи манипулятора с позиции истинности/ложности (Reboul, 2021).

Общим знаменателем в научных работах ведущих отечественных лингвистов выступает языковая манипуляция, рассматриваемая через призму социополитических явлений (Т. М. Голубева, И. А. Стернин и др.) и в связи с результатами исследований смежных дисциплин, таких как психология, логика, риторика (Фролова, 2021, с. 65).

Различие между подходами выражается в выборе речевого материала исследований, но при этом прослеживаются и общие моменты при определении самого термина. О. Е. Аграшева (2017) определяет данное явление как «воздействие, осуществляемое посредством целого набора приемов, которые позволяют подчинить чужую волю» (с. 1).

В 60-70-е годы XX века определение термина «манипуляция» имело негативную коннотацию, но на данном этапе положительного-отрицательного содержания термина стерто. Согласно А. А. Ворошиловой (2006), при определении данного явления необходимо учитывать «способы психического взаимодействия, характеризующиеся превращением одного из субъектов взаимодействия в объект воздействия» (с. 298). Для отношений манипулятивного типа свойственно неравенство коммуникантов, выраженное в побуждении одного из них к действиям, выгодным для другого субъекта. Для всякого манипулирования характерна некоторая закрытость, иллюзия, невидимый механизм, психологическое воздействие на сознание с целью формирования тех или иных убеждений или предпочтений. В своей диссертации Т. М. Голубева (2009) предлагает следующее определение манипуляции: «...вид скрытого воздействия, осуществляемого в интересах говорящего и имеющего целью ввести в модель мира реципиента новые знания, мнения, убеждения и/или модифицировать уже существующие посредством различного рода стратегий» (с. 15). Данное определение является наиболее емким и обобщенным. В своей работе мы будем придерживаться именно этого определения.

Условия реализации и характеристика адресата коммуникации выступают частотными критериями в трудах Е. Л. Доценко (1997), автором были выделены межличностная и массовая манипуляции. Дефиниция, которую предложил К. Ф. Седов (2005), является близкой к той, которая бы удовлетворяла всем требованиям, предъявляемым к определению термина «речевая манипуляция» авторами данной статьи: «...осуществляемое средствами коммуникации скрытое воздействие на человека, которое имеет целью изменение его эмоционально-психологического состояния» (с. 97). Автор выделяет характерные особенности явления: наличие вербальных и невербальных средств, скрытую форму воздействия и влияние на психоэмоциональное состояние партнера. В данном случае отсутствие упоминания интенции адресанта вызывает вопросы. В диссертации А. А. Поляковой (2019, с. 9) интенции манипулятивного воздействия отводится большое место, она выступает базовым фактором реализации речевой манипуляции.

Т. М. Голубева (2009, с. 12) в своей диссертации изучила когнитивно-прагматические аспекты языковой манипуляции и выделила два вида влияния, исходя из качеств адресата: манипуляция индивидуальным сознанием и манипуляция общественным сознанием.

Также в трудах Е. Л. Доценко (1997) есть исследования на основе метода психологического воздействия, автор выделяет пять видов намеренного и скрытого речевого влияния: манипуляция образами, конвенциональная манипуляция, операционально-предметная манипуляция, эксплуатация личности и манипуляция духовностью. При этом каждый из них может выступать как основным, так и дополняющим поддерживающим механизмом влияния, увеличивающим суммарный эффект воздействия. И. Г. Катенева (2010) предлагает классифицировать манипулятивные стратегии в СМИ на основе мотива общения, интенции адресанта сообщения, особенности речевого взаимодействия в текстах периодических изданий.

О. Н. Быкова (2000) утверждает, что «речевые приемы, с помощью которых достигается желаемый прагматический эффект и осуществляется целенаправленное речевое воздействие на массовую аудиторию, можно классифицировать в зависимости от основных задач, которые они выполняют в текстах СМИ» (с. 43). Она, опираясь на труды С. К. Рошина, выделяет три группы приемов и средств языковой манипуляции: введение в поле значений реципиента новых значений, перестройка категориальной структуры сознания, вхождение элементов поля значений в деятельность реципиента с изменением его отношения к окружающей действительности.

В трудах Л. Ю. Иванова (2004) дефиниция определена как «сознательное незаметное или малозаметное воздействие с помощью речи на сознание реципиента с целью добиться желаемого изменения в его когнитивной и поведенческой сферах» (с. 33). В исследовании Т. М. Голубевой (2009) манипулирование определяется как «тип речевого воздействия, заставляющего индивида действовать в соответствии с интересами манипулятора» (с. 11).

Труды отечественных лингвистов последнего десятилетия характеризуются практической направленностью исследований. В них затрагиваются такие вопросы, как эффективность воздействия рекламных текстов (Щенникова, Анипкина, Полякова, 2018, с. 77-78), роль лингвокогнитивных элементов манипуляции в медиатекстах (Рябуха, Шлопакова, 2022, с. 1942-1947), проблема раскрытия речевых манипуляций в СМИ (Копнина, 2021, с. 30-46; Навасартян, 2017), тактики благодарности в манипуляционной стратегии политического дискурса (Запрудская, 2022, с. 65-72) и судебного дискурса (Коноваленко, Каширская, 2022), особенности манипулятивных стратегий в свете культурных особенностей восприятия (Сафина, 2018; Кушнерева, 2020), намеренное искажение информации и подавление критического восприятия (Моисеева, 2022), распознавание манипуляции через использование машинного обучения (Шакенова, 2020), манипуляции в поляризованных политических текстах (Горностаева, 2018) и т.д.

В отношении формулировки термина «речевое манипулирование» мы придерживаемся позиции О. Н. Быковой (1999), которая определяет его как «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» (с. 99).

Таким образом, исследуя проблему выявления определения дефиниции «речевое манипулирование», мы пришли к выводу, что разница в проекции значения заключается в разности подходов к самому вопросу и научных интересов изучающей стороны. Однако, рассмотрев трактовки термина в рамках психологии, прагматики, политологии, лингвистики, мы выявили наиболее емкое определение, которое раскрывает значение речевой манипуляции в политическом дискурсе.

**Дифференциация дефиниций «речевая манипуляция», «суггестия»,
«языковая манипуляция» и «лингвистическая демагогия»**

В отечественной лингвистике последних лет большое внимание уделяется вопросу систематизации научных данных касательно лингвистического статуса языковой манипуляции (Ларионова, 2020, с. 262). Из-за терминологической неточности, отсутствия общепризнанной классификации средств и приемов манипуляции возникают проблемы при работе со смежными по значению понятиями. Дифференциация вызывает определенные трудности и является дискуссионным вопросом, так как одни и те же приемы могут быть использованы как при речевой манипуляции, так и при суггестии и т.д.

При детальном подходе к проблеме намеренного, скрытого языкового воздействия на первый план выходит вопрос терминологической дифференциации между самим воздействием и манипулированием. Современные авторы рассматривают *речевое воздействие* с позиции интенции и направленности, определяя само явление как языковую форму коммуникации, рассматриваемую в «аспекте его целенаправленности» (Сафронова, 2017, с. 137). Здесь упор можно сделать на позицию И. А. Стернина (2005), который проводит следующее разграничение: «*Речевое воздействие* – это воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять нашу точку зрения, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации. *Манипулирование* – это воздействие на человека с целью побудить его сделать что-либо (сообщить информацию, совершить поступок) неосознанно или вопреки его собственному желанию, мнению, первоначальному намерению» (с. 41). Исходя из сословной дихотомии язык/речь, Н. В. Бугорская (2004) предлагает «квалифицировать данное явление как *речевую манипуляцию*, так как в данном случае речь идет об использовании языковых средств и подчеркивается прагматический характер явления» (с. 5).

Л. Ю. Иванов (2004) указывает на необходимость разграничения следующих дефиниций: «*средства, формирующие акт речевой манипуляции*», «*средства, сопровождающие его*» (с. 40). Задачей манипулятивных средств является отвлечение внимания «реципиента от речевой манипуляции» и минимизация сопротивления «при восприятии манипулятивных пассажей» (с. 40).

В научной литературе дефиниции «речевая манипуляция» и «языковая манипуляция» синонимичны, но при этом речевая манипуляция обладает более широким спектром средств реализации. Если при языковой форме имеет место эксплуатация потенциала значения слов в разных комбинациях, то при речевой форме подключаются и невербальные средства (ситуативный контекст, жест, голос, мимика и т.д.).

Хотя современные психолингвисты и политологи предлагают различать способы вербально-психологического влияния (Бегматова, 2019, с. 29) исходя из качественных и функциональных особенностей, в научной литературе все еще можно найти примеры использования термина «суггестия» для обозначения манипуляции. Согласно О. Н. Морозовой (2005), «*суггестивное воздействие* можно трактовать как побуждение к реакции, которая противоречит рефлекторному поведению, то есть человек, не находящийся под воздействием такого типа, в аналогичной ситуации не совершил бы подобного действия, не принял бы такого решения и т.д.» (с. 168-169). Хотя дефиниции обладают рядом общих признаков (например, воздействие на сознание адресата, внедрение идей, не отвечающих его интересам; стремление к нейтрализации критического восприятия реципиента и т.д.), *внушение* – это «целенаправленный процесс прямого или косвенного воздействия на психическую сферу, ориентированный на специфическое программирование человека и осуществление им внушаемого содержания» (Голубева, 2009, с. 16), ему свойственен назойливый характер, а манипуляция возможна лишь в скрытой форме. По мнению Т. М. Голубевой, убеждение отличается от манипуляции тем, что первое опирается на аргумент и воздействие на сознание через призыв к критическому рассуждению. А. А. Маргарян (2022) выявляет следующую особенность манипуляции: «...на логическом уровне манипуляция представлена посредством незаметного для адресата нарушения законов логики в речи» (с. 1493). Новейшие исследования в области тактик речевой манипуляции выявляют характерные для современной коммуникации тенденции: часто трансформация информации выступает орудием влияния (Пищальникова, Хусяйнова, 2021). В целом позиции «логично»/«нелогично», «правда»/«ложь» являются приграничными между убеждением и манипуляцией. Информативное и фатическое воздействия же не являются скрытыми формами влияния на адресата, цель также не противоречит интересам реципиента (реципиент может испытывать потребность в получении информации или установлении контакта с говорящим)» (Голубева, 2009, с. 15-16).

Лингвистическая демагогия представляет собой «воздействие посредством оценки, осуществляемое непрямой, “лобовым” способом» (Николаева, 1988, с. 154-156). О. Н. Паршина (2007, с. 67) отмечает, что при демагогии основной целью является самоутверждение, при этом отсутствует стремление воздействовать на убеждения реципиента.

Для нас представляют интерес труды, в основе которых лежат качественные характеристики принимающей информацию стороны или стороны-адресата. По направлению действия можно выявить манипуляцию сознанием индивида (лично-ориентированный манипулятивный акт) и манипулятивные воздействия на общественное сознание. С позиции адресанта речевых манипуляций можем выделить личность-манипулятора и коллектив социальных субъектов (органы власти, религиозные объединения, коммерческие структуры и т.д.).

Изучение тактик и приемов в отдельных типах дискурса дает весомые результаты для лингвистики в целом. Например, в исследовании Е. В. Двойниной (2020, с. 132) затронуты лингвистические приемы речевой манипуляции в рекламном дискурсе. Хотя считалось, что при направленном речевом воздействии часто используются негативно окрашенные приемы, выводы Е. В. Двойниной говорят об обратном: в рамках рекламного дискурса частотной коммуникативной стратегией выступают самопрезентация, используемая в целях создания положительного имиджа продукта, услуги, компании и организации; при этом такие стратегии,

как дискредитация и сокрытие информации, не выявлены. В рамках медиадискурса наблюдается обратное явление: при освещении темы России используются такие языковые средства, как антитеза, ирония, используемые в целях негативной манипуляции (Меркурьева, Салчак, 2017). Речевая манипуляция в рамках политического дискурса – это скрытое явление, ориентированное на изменение общественного сознания путем формирования необходимого общественного мнения с применением комплекса технологий психологического принуждения. Общественные либо личные интересы каждого представителя общества берутся во внимание лишь на стадии создания комплекса манипулятивных действий, в результате у адресата формируется иллюзия свободного выбора. Согласно К. В. Никитиной (2006), политический дискурс в информационных ресурсах представляет собой сложную систему коммуникативных действий, в основе которых лежит борьба за власть путем формирования общественного мнения, при этом текст выступает как «вербализованный результат речи, контекст – ситуативный, социокультурный и прагматический, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса» (с. 5). Так как манипуляция может включать не совсем этичные приемы и стремится достичь цели любыми средствами, культурный код и национальное сознание, отраженные в языке, становятся важным инструментом политической игры (Кушнерева, 2020, с. 478).

Таким образом, можно сделать вывод, что политический дискурс – весьма «плодородная почва» для осуществления тактик и приемов языковой манипуляции. Анализ исследований, направленных на изучение речевых манипуляций в рамках того или иного дискурса, показал, что в зависимости от внеязыковых условий меняются используемые языковые средства, но, несмотря на это, прослеживается определенная закономерность. Так как фокус наших дальнейших исследований – приемы и тактики речевых манипуляций в политическом дискурсе, появляется необходимость исследования когнитивно-прагматической конструкции вышеуказанного типа дискурса.

Заключение

Исследовав ряд терминов, имеющих схожее с речевой манипуляцией определение, мы пришли к следующим выводам: во-первых, основная база теоретических работ по данной теме принадлежит перу ученых середины и конца XX века, первого десятилетия XIX века; во-вторых, при анализе политического дискурса мы не можем исключать внеязыковые факторы воздействия, поэтому с позиции политических текстов и выступлений «речевое манипулирование» оказывается более полным; в-третьих, анализируя труды зарубежных и отечественных ученых, мы выявили различия черт языковых явлений и произвели разграничение терминов, используемых иногда в смежных ситуациях в качестве аналога дефиниции «речевая манипуляция». Также следует отметить, что интерес к проблеме речевой манипуляции находится в росте: выявление новых аспектов раскрывает данное явление с нового ракурса и открывает новые возможности для исследователей. При этом мы не можем сказать, что нет новых трудов по теме речевого манипулирования. Важно подчеркнуть необходимость расширения теоретической базы данного направления исследований. Явление требует изучения в междисциплинарном ключе и межъязыковом порядке.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении речевых приемов и тактики манипуляции в политическом дискурсе на примере выступлений российских и турецких политиков современности. Анализ научной литературы показал, что манипулятивные техники меняются в зависимости от внеязыковых условий и интенции адресанта, но можно проследить закономерность в рамках определенной ситуации, определенных временных промежутков и дискурса. Это может позволить выявить общие тенденции.

Источники | References

1. Аграшева О. Е. Речевые манипуляции в политическом дискурсе США // Огарев-Online. 2017. № 10 (99).
2. Беглов С. И. Внешнеполитическая пропаганда. Очерк теории и практики. М.: Высшая школа, 1980.
3. Бегматова Р. Ф. К вопросу разграничения суггестивной и смягчающей функции частиц в немецком и узбекском языках // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2019. Вып. 118. № 10 (432).
4. Бугорская Н. В. Языковая и речевая манипуляция: к вопросу о разграничении понятий // Языковое бытие и сознание этноса. 2004. Вып. 8.
5. Быкова О. Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: вестник Российской риторической ассоциации. 2000. Вып. 1 (9).
6. Быкова О. Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: вестник Российской риторической организации. 1999. Вып. 1 (8).
7. Ворошилова А. А. Манипуляция сознанием как объект социально-политического исследования // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. 2006. № 6 (13).
8. Голубева Т. М. Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе (на материале американского варианта английского языка): дисс. ... к. филол. н. Н. Новгород, 2009.
9. Горностаева Ю. А. Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации и автоматической обработки: дисс. ... к. филол. н. Красноярск, 2018.
10. Двойнина Е. В. Лексические и стилистические средства реализации стратегий речевой манипуляции в профессиональном таможенном дискурсе (на материале англоязычной таможенной прессы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 3.

11. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1997.
12. Житникова Т. А. Политическое манипулирование: суть и механизмы защиты // Молодой ученый. 2014. № 6 (65).
13. Замышляев В. И. Массовые коммуникации: внушение и манипуляции // Личность, творчество и современность. 2006. Вып. 9.
14. Запрудская О. В. Благодарность в политической коммуникации как средство манипуляции и суггестии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2022. Т. 19. № 2.
15. Иванов Л. Ю. Пиар есть пиар - примеры речевой манипуляции в новом российском политическом дискурсе // Symanzik B., Birkfellner G., Sproede A. Sprache. Literatur. Politik. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2004.
16. Илюхин Н. И. Особенности коммуникативного воздействия адвоката и прокурора на жюри присяжных во время судебного заседания (на материале английских кинофильмов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 9.
17. Илюхин Н. И. Особенности непрямого коммуникативного воздействия адвоката и прокурора на жюри присяжных во время судебного заседания (на материале английских кинофильмов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 5.
18. Камовникова Н. Е. Перевод как инструмент манипуляции общественным мнением в условиях политических ограничений // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2016. № 2.
19. Катенева И. Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ: на материале общественно-политических оппозиционных изданий: дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 2010.
20. Коноваленко Т. Г., Каширская К. С. Манипулирование при межличностных установках говорящего в англоязычном судебном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 5.
21. Копнина Г. А. Речевая манипуляция в массмедийном тексте/дискурсе: проблема распознавания // Филология и человек. 2021. № 3.
22. Кушнерева Д. А. Национально-культурные и языковые особенности политического дискурса (на примере речей бывшего президента Аргентины Кристины Фернандес де Киршнер) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2020. Т. 30. Вып. 3.
23. Ларионова Т. В. Принципы организации речевых манипулятивных практик общения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 5.
24. Левина О. М. Коммуникативная стратегия манипулирования как объект дидактизации в межкультурном языковом образовании // Диалектика современного межкультурного иноязычного образования: векторы и смыслы / под ред. В. А. Гончаровой, И. Н. Столяровой. М.: Библио-Глобус, 2018.
25. Маргарян А. А. Антонимическая оппозиция «война» - «мир» как прием речевого воздействия на сознание адресата в американском политическом дискурсе (на материале выступлений Д. Дж. Трампа) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 5.
26. Меркурьева В. Б., Салчак А. А. Манипулятивный потенциал языковых средств при формировании негативного образа России в немецкоязычном медиадискурсе // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2017. № 1 (12).
27. Моисеева А. В. К вопросу о речевом манипулировании // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1-1 (64).
28. Морозова О. Н. Дискурс согласия в диалогическом пространстве. Тверь: Тверская государственная сельскохозяйственная академия, 2005.
29. Навасартян Л. Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2017.
30. Никитина К. В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием // Управление общественными и экономическими системами: многопредметный научный журнал. 2006. № 2 (8).
31. Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Институт языкознания АН СССР, 1988.
32. Никулин Е. Р., Шубин А. Е. Практика манипуляции в информационных ресурсах: теоретическое осмысление проблемы // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. Вып. 1 (41).
33. Паршина О. Н. Российская политическая речь. Теория и практика. М.: ЛКИ, 2007.
34. Петракова А. С. Исследование пределов манипуляции сознанием личности в античной философии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9.
35. Пищальникова В. А., Хусяйнова С. Р. Специфика речевой манипуляции политиков в Сети на материале социального сервиса Твиттер // Этнопсихоллингвистика. 2021. № 2 (5).
36. Погорецкая О. А. Манипулятивные техники в итальянском политическом дискурсе в аспекте преподавания профессионально ориентированного перевода на старших курсах в высшей школе // Преподаватель XXI век. 2021. № 1-2.
37. Полякова А. А. Средства речевой манипуляции в американском предвыборном дискурсе (на материале электоральных выступлений Д. Трампа и Х. Клинтон): автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2019.
38. Рябуха О. В., Шлопакова Д. Л. Лингвокогнитивные средства манипуляции в англоязычных медиатекстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 6.
39. Сараев М. Д. Способы языкового манипулирования // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2018. № 4.

40. Сафина А. В. Коммуникативные средства выражения манипуляции в межличностном общении немцев (на материале синемаатографа XXI века): дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2018.
41. Сафронова Т. С. Особенности суггестивного воздействия во вступительной речи прокуроров (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-1 (72).
42. Седов К. Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика: инвективное и манипулятивное функционирование языка: межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. Н. Д. Голев. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005.
43. Спиртова Д. А. Квазиаргументы как инструмент речевого манипулирования аудиторией СМИ // Медиа-Альманах. 2019. № 4 (93).
44. Стацевич Е. Е. Манипуляции в деловых переговорах: практика противодействия. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
45. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
46. Стернин И. А. Практическая риторика. М.: Академия, 2005.
47. Феофанов О. А. Агрессия лжи. М.: Политиздат, 1987.
48. Фролова О. Е. Некорректное речевое воздействие: текст и метатекст // *Philological Studies*. 2021. Вып. 19. № 2.
49. Фролова О. Е. Реакция на манипулятивное речевое воздействие // Социо- и психолингвистические исследования. 2018. № 6.
50. Хорошева Н. В., Банникова А. Д. Проблема манипулятивного речевого воздействия в ситуации синхронного перевода дипломатического дискурса // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4.
51. Шакенова М. Т. Автоматическое диагностирование манипулятивного дискурса (на материале корпуса русскоязычных интернет-публикаций) // Вестник Казахского национального университета. Серия «Филологическая». 2020. Т. 180. № 4.
52. Щенникова Н. В., Анипкина Л. Н., Полякова Е. В. Речевое воздействие и речевая манипуляция (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». 2018. Т. 15. № 1.
53. Юренков В. В. Манипуляция как социально-философское явление // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4.
54. Aktan C. C. Makyavelizm, herestetik ve politik manipülasyon sanatı: Kamu tercihi perspektifinden “iyiliksever despot” ve iktidar hırsı. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/361602835_MAKYAVELIZM_HERESTETIK_ve_POLITIK_MANIPULASYON_SANATI_Kamu_Tercihi_Perspektifinden_Iyiliksever_Despot_ve_Iktidar_Hirsi
55. Dijk T. A. van. Discourse and Manipulation // *Discourse and Society*. 2006. No. 17 (2).
56. Gasparyan S. Implementing Manipulative Strategies in Legal Speech // *Cognition, Communication, Discourse*. 2020. Vol. 20.
57. Goodin R. E. *Manipulatory Politics*. New Haven: Yale University Press, 1980.
58. Reboul A. Truthfully Misleading: Truth, Informativity, and Manipulation in Linguistic Communication. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/350860292_Truthfully_Misleading_Truth_Informativity_and_Manipulation_in_Linguistic_Communication
59. Riker W. H. *Liberalism against Populism: A Confrontation between the Theory of Democracy and the Theory of Social Choice*. San Francisco: W. H. Freeman, 1982.
60. Saussure L. de. *Manipulation and Cognitive Pragmatics: Preliminary Hypotheses* // *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century: Discourse, Language, Mind* / ed. by L. de Saussure, P. Schulz. Philadelphia: John Benjamins, 2005.
61. Yılmaz H. İnsan ilişkilerinde manipülasyon ölçeği. 2018. URL: <https://toad.halileksi.net/sites/default/files/pdf/insan-iliskilerinde-manipulasyon-olcegi-toad.pdf>

Информация об авторах | Author information

RU

Ашрапова Алсу Халиловна¹, к. филол. н., доц.
 Ыылмаз Эльвира Рафиловна², к. филол. н.
 Мавляутдинов Ильдар Сафиулович³, к. соц. н., доц.
 Манькова Лиана Ильнуровна⁴
^{1, 2, 3, 4} Казанский (Приволжский) федеральный университет

EN

Ashrapova Alsu Khalilovna¹, PhD
 Yilmaz Elvira Rafilovna², PhD
 Mavlyautdinov Ildar Safiulovich³, PhD
 Mankova Liana Inurovna⁴
^{1, 2, 3, 4} Kazan Federal University

¹ alsu.ashrapova@kpfu.ru, ² el-vira-hadieva@yandex.ru, ³ ildarmav@yandex.ru, ⁴ liana-23-23@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.07.2022; опубликовано (published): 30.09.2022.

Ключевые слова (keywords): коммуникативная ситуация; речевое воздействие; речевая манипуляция; приемы речевого воздействия; communicative situation; speech influence; speech manipulation; methods of speech influence.